

УДК 316.33

Анатолій Іванович Лысюк¹, Марія Григорьевна Соколовська²¹д-р політ. наук, канд. філос. наук, доц., доц. каф. політології та соціології
Брестського державного університету імені А. С. Пушкіна
магістр психол. наук, ст. преподаватель каф. політології та соціології
Брестського державного університету імені А. С. Пушкіна**Anatolij Lysiuk¹, Maria Sokolovskaya²**¹Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University²Master of Psychology, Senior Lecturer of the Department of Political Science and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: ailysiuk@list.ru¹; lllogos@list.ru²**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ
(Ж.-Ж. РУССО, Ш. МОНТЕСКЬЁ, Ф. ВОЛЬТЕР)**

Исследуется противоречивый образ женщины, представленный в трудах французских философов эпохи Просвещения, поскольку, с одной стороны, они отвергали представление о женщине как существе второго сорта, а с другой – отказывали ей в гражданской субъектности. Определение ими образа женщины во многом было производным из их личного эмпирического опыта: влияние любимых женщин на их жизнь и творчество было огромным. В их представлении социальное влияние женщин проявлялось в следующих формах: а) обладание некоторыми женщинами высоким общественным положением; б) способность влиять на политические решения, принимаемые мужчинами посредством манипуляции их чувственностью и амбициями; в) умение выступить для них источником творческого вдохновения; г) осуществление решающей роли в процессах социализации; д) участие в экономической жизни. Эмансипационное движение женщин вызывало у философов скепсис, поскольку оно могло привести к утрате множества достоинств, присущих женщине по природе, и поэтому женщина должна сконцентрироваться на семейных обязанностях.

Ключевые слова: женская природа, женское призвание, образ женщины, эпоха Просвещения, сентиментализм.

***Philosophical Consideration of the Female Image in the Age of Enlightenment
(J.-J. Russo, C. Monteskie, F. Voltaire)***

The article examines contradictory image of a woman presented in the works of the French philosophers of the Enlightenment, as, on the one hand, they rejected the idea of a woman as a second-class being, and on the other they denied her civil personality. Their definition of the image of a woman was largely derived from personal empirical experience: influence of beloved women on their life and work, with rare exceptions, was enormous. In their view, the social influence of women appeared in the following forms: a) high social status of some of them; b) the ability to influence political decisions made by men by manipulating their sensibility and ambitions; c) the ability to act as a source of creative inspiration for them; d) playing a decisive role in the processes of socialisation; e) active participation in economic life. The emancipation movement of women causes skepticism among philosophers, as it can lead to the loss of many feminine virtues inherent in them by nature: a woman should focus on family obligations.

Key words: female nature, woman's avocation, image of woman, the age of Enlightenment, sentimentalism.

Введение

Образ женщины, женское призвание, в целом «женский вопрос» в его личностном и социальном измерениях были широко представлены в трудах французских философов-просветителей XVIII в. Аналитическое прочтение ими женской природы было противоречивым. С одной стороны, нельзя не согласиться с российским исследова-

вателем С. Айвазовой, утверждавшей, что просветители, опровергая традиционные взгляды, разоблачили «абсурдность мифа о женщине как о существе второго сорта, органически неспособном быть равным мужчине» [1, с. 156]. С другой стороны, испытывая множество позитивных чувств к представителям прекрасной половины человечества, соизмеряя с женщиной собствен-

ные личные радости и невзгоды, французские мыслители, за редким исключением, «воздержались... от признания ее гражданской состоятельности – ее способности выступать в роли субъекта истории» [1, с. 156]. Публичная сфера определялась философами как преимущественно мужское пространство.

Гендерный аспект наследия философов-просветителей отражал два социально-культурных тренда, сложившихся в тот исторический период в Западной Европе.

Во-первых, это индивидуализация человека, обладающего собственным самосознанием и мировоззрением, способного преодолеть общественные ограничения. Личностная (и социальная) эмансипация коснулась прежде всего мужчин, но, как подчеркивает французская писательница и философ Симона де Бовуар, «чем сильнее индивидуализируется особь мужского пола, чем выше потребность мужчины в такой индивидуализации, тем скорее он будет признавать и за своей подругой право на индивидуальность и свободу» [цит. по: 2, с. 67].

Во-вторых, переосмысление личности женщины было связано с новым императивом философского знания, активно разрабатываемым просветителями: теорией естественного права, согласно которой все люди от природы обладают равными правами, и независимо от пола им внутренне присуще стремление к социальному равенству и справедливости.

Оценка образа женщины в научном творчестве французских мыслителей выходила за пределы чисто теоретических умозаключений. На нее наслаивался их личный эмпирический опыт, который свидетельствует, что «женское участие» в жизни и научных изысканиях большинства из них являлось значительным и плодотворным.

Роль женщин в личной жизни философов-просветителей

Для понимания отношения французских философов к «женской тематике» необходимо прежде всего уяснить, какую роль сыграли женщины в их личной жизни, т. к. такого рода отношения неизбежно проецируются на социальную доктрину в ее гендерном измерении. Можно также предположить, что образ идеальной женщины, представленный в их трудах, во многом вы-

ступает отражением личности их возлюбленных.

Обратимся к биографии Ж.-Ж. Руссо, который активнее других просветителей занимался женской тематикой, а любовный (сентиментальный) роман «Юлия, или Новая Элоиза» принес ему общеевропейскую известность и популярность. Т. Гончарова отмечала: «Отношения Ж.-Ж. Руссо с женщинами были столь же парадоксальны, как и остальные стороны его жизни и общественной мысли. Руссо был женоненавистником, во всяком случае, такая у него была репутация, имевшая истоком его же заявления, но при этом он любил женщин и искал их общества» [3, с. 56].

Думается, что в его восприятии женщины преобладает положительная коннотация; на протяжении всей жизни он получал от представителей слабого пола гораздо больше поддержки, любви, теплоты, понимания и творческого вдохновения, нежели от мужчин. Они же помогали ему в решении множества практических вопросов, касающихся обустройства жизни и карьеры. Отношения с ними носили у мыслителя устойчивый, долговременный характер, что было трудно достижимо в мужских сообществах (сами философы большей частью рассматривали друг друга в качестве не близких людей, а конкурентов). Доброе женское участие представляло особую ценность, поскольку Руссо не знал материнской любви (она умерла во время родов). В «Исповеди» он пишет, что подлинное счастье испытал, пребывая возле некоторых из них. Среди женщин, его восхищавших и непременно поддерживающих, можно назвать настоятельницу монастыря маркизу де Варанс, хозяйку одного из самых известных аристократических салонов Парижа герцогиню Дюпен, символ его страстной и безграничной любви графиню д'Удето, почитательницу его таланта, защитницу от козней «двора» и недругов герцогиню Люксембургскую, наконец, гражданскую жену Терезу Левассер.

Огромное влияние на жизнь и творчество Вольтера оказала маркиза Эмили дю Шатле («Божественная Эмилия») – его самая сильная любовь, муза, друг и почитатель, с которой он провел в тесном, глубоком и интимном общении пятнадцать лет. Именно в этот период его творчество оказа-

лось наиболее плодотворным. Эта женщина основательно занималась науками, в особенности математикой и физикой, читала Декарта, перевела с латыни на французский работу Ньютона «Математические начала натуральной философии». Она обладала многими чертами, украшающими женщину: была стройной, кокетливой, прекрасно пела и пленяла элегантностью нарядов. Черты ее лица впечатляли не всех, но присутствовало у нее то женское очарование, что сегодня называется сексуальностью. Именно ей Вольтер адресовал следующие строки:

Есть равенство, и мудрая природа
Всегда стремится смертных уравнивать.
Ум, красота, раскованность, свобода,
Цветущий вид и царственная стать
Вам все дано... [Цит. по: 4, с. 84].

Оплакивая преждевременную смерть маркизы, Вольтер писал Фридриху Великому, что ее смерть лишила его навсегда счастья и смысла, и он «потерял половину себя самого».

Монтескье не знал романтических отношений с женщинами, подходил к ним чисто функционально и несколько цинично. Женился он по воле своего дяди (отец умер) на Жанне Лартиг – некрасивой и хромой девушке, ревностной кальвинистке, но обладательнице большого приданого. Он относился к ней с уважением, хотя супружеская верность была ему чужда; он вызывал интерес у прекрасного пола и был склонен к любовным увлечениям и приключениям, которые, как правило, не носили устойчивого, долговременного характера.

Образ идеальной женщины

Для того, чтобы понять, какие женские качества вызывали у Руссо наибольшее восхищение и признание, необходимо обратиться к образу Юлии – героине романа «Новая Элоиза», поскольку, как отмечает советский историк А. Манфред, этот роман является в значительной степени автобиографическим, отражающим его романтические отношения с г-жой д'Удето [5, с. 89]. Необходимо изучить также восприятие конкретных личностей любимых им женщин.

При всей своей невинности и наивности женский образ Юлии наделен широким спектром качеств, вызывающих всеобщее уважение и восхищение. Во-первых, сама ее

личность пробуждает у влюбленного мужчины широкую гамму самых благородных чувств; без отношений с ней образуется вопиющая неполнота его жизни. При этом восхищает не только ее внешность, но и индивидуальные качества: мягкость, кротость, деликатность, внутренняя чистота, чуткость, что особенно ценит Руссо как поборник душевной простоты и нравственного целомудрия. Во-вторых, сама она способна ради любви не только на чувство невероятной силы, но и на серьезный нравственный поступок, что означает «победу нравственности», одержанную «самой природой», а раз ею, то ничего не может быть «чище и выше». В-третьих, при всей значимости эмоциональности и страстности натуры Юлии в состоянии в конечном счете совершить рациональный выбор, последовать благоразумию и рассудительности, будучи убежденной, что «нельзя потакать чувственным страстям». В-четвертых, ее неизменным атрибутом являются сообразительность и ум. В-пятых, не только она преисполнена чувственной сентиментальности, но ею охвачены и мужчины в лице Сен-Пре, у которого чувственности и страсти больше, чем рациональных соображений, и не меньше, чем у Юлии; сентиментальность в романе не имеет гендерной привязки. В-шестых, дисгармонию в отношении между мужчинами и женщинами вносят не столько их личностные отличия, сколько социальные обстоятельства, которые, как известно, преодолимы; Юлия способна полюбить мужчину из более низкого социального круга, несмотря на социальное осуждение, что ее возвышает, а не принижает. В-седьмых, определенное, но не решающее значение имеет внешняя привлекательность, «красота лица», но еще большая привлекательность заключена в ее сердце. В-восьмых, в конечном счете девушка, следуя чувству долга, сосредоточивается на своих семейных обязанностях, оставляя «для души – вопросы благочестия, друзей, чтение нравственных книг» [5, с. 12]. Она становится прекрасной мамой и женой, а с прежним возлюбленным сохраняет дружеские отношения. С. Тимонов подчеркивает, что в этом романе «нет сексистского посыла. Напротив, Руссо критикует самодурство отцов, навязывающих мужей своим дочерям, и продвигает... прогрессивную для XVIII в. идею предоставить

возможность девушкам самим решать, кого любить и за кого выходить замуж, без оглядки на разницу в социальном положении и мнение родителей» [7]. Но главное то, что сам образ Юлии обладает таким набором самых лучших человеческих качеств, что невольно возникает вопрос о необходимости пересмотра сложившихся в обществе гендерных ролей.

Руссо неоднократно влюблялся в женщин. Он был убежден, что даже неразделенная любовь приносит человеку радость. Внешняя привлекательность являлась для него значимой. В «Исповеди», рисуя образ первой, самой длительной и верной любви (маркиза де Варанс), он подчеркивает, что на него произвел яркое впечатление внешний шарм этой прелестной дамы: «Исполненное прелести лицо, прекрасные, полные нежности голубые глаза, ослепительный цвет кожи, очертания обольстительной груди... невозможно было найти более прекрасную голову, более прекрасную грудь, более прекрасные плечи и более прекрасные руки» [8, с. 47–48]. Графиня д'Удето также приводит его в восторг «целым лесом» длинных вьющихся черных волос, изяществом и грациозностью фигуры. Красотой его пленяла и г-жа Дюпен, которую причисляли к четырем первым красавицам Парижа. Он признавался ей в любви, но его чувство оказалось безответным.

Большое значение для Руссо имел стиль женщины, ее способность элегантно выглядеть, демонстрировать большой вкус в манере одеваться, выбирать изысканное и хорошо сшитое платье, иметь изящную обувь, ленты, кружева, удачную прическу. Он подчеркивал, что всегда отдаст предпочтение женщине менее красивой, но умеющей выбрать свой правильный стиль. По этой причине «портнихи, горничные, продавщицы не прельщали меня – мне нужны были барышни» [8, с. 123].

Но внешнее обаяние без внутреннего наполнения не имеет для Руссо особого смысла. Г-жа де Варанс восхитила его не столько своими внешними чертами, сколько проявленной по отношению к нему нежностью, любовью, лаской, мягкостью, сострадательностью, ангельской улыбкой, неисчерпаемой добротой, открытостью и искренностью, которые оставались неизменными в самых трудных жизненных об-

стоятельствах. Она утоляла главную потребность его души: в самом тесном и интимном общении, поддержке, психологическом комфорте. Философ отмечает, что «она была для меня самой нежной матерью, никогда не думавшей о собственном удовольствии, а всегда о моем благе... я слишком любил ее, чтобы желать» [8, с. 98].

Для Руссо во всех его любовных увлечениях (кроме Терезы Левассер) важен был интеллект женщины. Ему нравился вольнолюбивый ум маркизы де Варанс. На него производил прекрасное впечатление бесхитростный, веселый, в чем-то наивный и приятный ум графини д'Удето, речь которой искрилась «очаровательными остротами». Он восхищался начитанностью и природным умом г-жи Дюпен. Все эти женщины были превосходно образованны и обладали многими «приятными талантами»: играли на клавесине, хорошо танцевали, писали стихи, исполняли оперные арии, изощрялись в эпистолярном творчестве и др. Монтескье также утверждал, что женское обаяние «чаще заключается в уме, чем в лице, т. к. красота лица обнаруживается сразу и не таит ничего неожиданного; но ум раскрывается лишь понемногу, когда сам человек этого желает, и в той мере, в какой он этого желает»... Обаяние не приобретает; чтобы его иметь, надо быть безыскусственным» [9, с. 751]. Уже отмечалось, что и муза Вольтера маркиза Эмили дю Шатле обладала исключительными интеллектуальными талантами.

Просветители не отказывают женщинам в высоких интеллектуальных качествах. Руссо убежден, что «природе, даровавшей женщине столь изящный и пронизательный ум... угодно, чтобы женщина мыслила, чтобы она имела свое суждение, чтобы она любила, чтобы она обладала познаниями и заботилась о своем умственном развитии, как заботится о сохранении красоты своего лица... Женщина должна многому выучиться, но лишь тому, что ей надлежит знать» [10, с. 555]. Ее разум обладает практическим характером, позволяющим ей искусно выискивать средства для достижения уже известной цели, сформулированной чаще всего мужчиной.

Возникает вопрос: почему же женой Руссо стала женщина с неразвитым, узким, примитивным умом; все его попытки при-

дать глубину ее мировидению остались безуспешными?

Думается, что на выбор жены, которая «дала ему счастье», повлияли другие, более значимые факторы, а ее интеллектуальная ограниченность была допустимой, т. к. философ всегда позиционировал себя сторонником «естественных чувств», производных от великой и безукоризненной природы, одним из творений которых являлась Тереза, которая пленила его как раз своей внутренней простотой и скромностью без всякой примеси кокетства.

Кроме этого, Руссо писал, что она впечатлила его непохожестью на других, своим контрастом с образованными и утонченными дамами из парижских салонов; свою роль сыграл дух противоречия – в выборе этой девушки выражался известный вызов светскому обществу и отчасти компенсация за непризнание его мужских достоинств дамами высшего света из-за словесных соображений, что вызывало у него мучительные переживания. К тому же любовь к Терезе позволяла ему в полной мере проявить свои лучшие мужские начала: максимальную заботу о зависимом от него существе, сострадание к нему, демонстрируя при этом свои не оспариваемые ею лидерские качества. Не менее значимой была и потребность в безусловной к нему любви, сродни материнской. Руссо был убежден, что «царством женщины» является нежность, терпимость и доброта сердца, что было присуще г-же Левассер.

Что же касается сферы эротических переживаний, то они при всей их прелести (он знал чувственный огонь) не носили для него в отношениях с женщинами приоритетного характера, тем более что их сковывала природная стыдливость, часто переносилась наслаждения подобного рода в область фантазий и пожирание «пламенным взглядом красивых женщин». В «Исповеди» он пишет, что г-жа де Варанс преподала ему первый сексуальный урок, который он принимал без энтузиазма: «Я испытывал только удовольствие. Какая-то непобедимая грусть отравляла его прелесть. Я чувствовал себя так, словно совершал кровосмешение» [8, с. 175]. В последующем он вспоминает только один факт, когда испытал чувственную кратковременную эйфорию с женщиной – г-жой де Ларнаж.

Монтескье не являлся сторонником супружеской верности мужчинами и был убежден, что главным достоинством женщины является сохранение своей добродетели (физической «чистоты»), чему призваны благоприятствовать предписанные ей законами природы стыд, скромность и самообладание. Он пишет: «Утрата женщинами добродетели связана с таким множеством пороков, вся душа их так глубоко извращается, исчезновение этой главной опоры нравственности влечет за собою утрату столько других добродетелей, что публичную непристойность можно рассматривать как величайшее из несчастий народного государства и верный признак скорого изменения в его устройстве» [11, с. 248, 383]. В «Персидских письмах» философ обличает природную склонность женщин к проявлению всякой несдержанности, оболыщению мужчин, грубому бесстыдству, неутомимому желанию нравиться, воспринимая это как «пятна на их добродетели и оскорбление для их мужей» [Цит. по: 4, с. 81–82].

Вольтер был порицаем консервативной частью французского общества за то, что писал и публично говорил о свободе нравов, не рассматривая в качестве добродетели сохранение девушками (женщинами) невинности либо верности.

Социальное и природное измерение женщины

Для французских просветителей бесспорным выглядело важное (и позитивное) общественное значение женщин. Руссо полагал: «Горе тому веку, когда женщины теряют свое влияние и мужчины больше не считаются с их мнением! Все народы, отличавшиеся нравственностью, почитали женщин. Посмотрите на Спарту, на германцев, на Рим... Все великие перевороты там были совершены женщинами: благодаря женщине Рим обрел свободу, благодаря женщине плебеи добились права быть консулами, женщина положила конец тирании дещемвиров» [10, с. 593].

Социальное влияние женщин выступало в нескольких формах. Очевидно, что многие представители слабого пола обладали высоким социальным положением и политическими достоинствами, пребывая в статусе графинь, герцогинь, баронесс и королев (цариц). Монтескье даже писал о

приемлемости и желательности политического руководства женщин: «Противно и разуму, и природе ставить женщин во главе дома, как это было у египтян; но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством. В первом случае свойственная им слабость не позволяет преобладать; во втором же случае эта самая слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные качества... Прибавив к этому примеры Московского государства и Англии, мы увидим, что женщины с одинаковым успехом управляют в государствах умеренного образа правления и в деспотических государствах» [11, с. 254].

Политический вес женщин проявлялся в их способности влиять на политические решения, принимаемые мужчинами посредством использования своего женского очарования («эффект г-жи Помпадур»), манипулируя чувственностью и амбициями сильной половины человечества. Руссо подчеркивал, что природа наделяет женщину властью над мужчиной, о которой они осведомлены и всецело ей пользуются: «Ее могущество – в ее очаровании: своими чарами она заставляет мужчину ощутить присущую ему силу и прибегнуть к таковой. Самое испытанное искусство пробуждать эту силу состоит в том, чтобы вызывать ее к жизни сопротивлением. Тогда самолюбие присоединяется к вожделению и торжествует победу» [10, с. 547]. Это утверждение поддерживает Монтескье: «Они могут властвовать благодаря своей красоте. Природа, наделившая мужчин силой и разумом, не положила никакого другого предела их власти, кроме самой этой силы и разума. Женщине она даровала очарование красоты и определила, чтобы вместе с ним оканчивалось и влияние женщины» [11, с. 377]. Если женщина дарит свою благосклонность мужчине, то, в представлении Вольтера, это являлось подлинно «королевской» наградой. Нежелание потерять это влияние, однажды лишаясь своего очарования, вызывает у нее сильный страх.

Социальная роль женщины велика и по той причине, что «нравственный облик мужчины зависит от воспитания, которое дает ему женщина в раннем детстве; от женщины зависит привить мужчине извест-

ные обычаи, страсти, вкусы... и, наконец, от нее зависит его счастье» [10, с. 556]. Социализация является краеугольным камнем построения правильного общественного порядка. Женское воздействие на мужчин не всегда бывает вдохновительным и позитивным, поскольку они могут явно и неявно проявлять многие свойственные им слабости: тщеславие, любовь к роскоши, болтливость, злобность, ревность, подстрекательство, демонстрируя искусство подчинения себе «великих душ».

Женщины исторически являются источником вдохновения для многих творцов-мужчин, выступая их любовной музой, что доказывает научное творчество Руссо и Вольтера. Это происходит потому, что именно «любовь – царство женщин. Они неизбежно законодательствуют там, т. к. по природе вещей сопротивление – их право, и мужчины в состоянии преодолеть его лишь ценой своей свободы» [12, с. 102].

Известно, что «светские дамы» были весьма активны в качестве «королев салонов» – интимного, обособленного и специально организованного пространства, наполненного «разговорами, чтениями, рассуждениями... или спорами», пением, музицированием и дебатами. В них «формируется культура беседы, переписки, чтения вслух» [13, с. 19–20]. В общении с самыми лучшими умами Франции женщины поддерживали либо осуждали новые представления о семейном счастье, общественном благе, свободе, равенстве, будущем человечества. Не будем забывать и о том, что миллионы женщин составляли экономически активное население Франции; многие из них обладали экономической независимостью.

Французские просветители обличали несправедливость женской доли, полагая, что униженное существование женщины есть следствие определенных гражданских законов и обычаев, сохранения традиции сословного брака, не знающего любви и тайнства. Однако они не провозглашали принцип равенства полов, а воспринимали подчиненное положение женщин как неотъемлемую часть естественного (природного) и разумного порядка вещей. Они просто настаивали на смягчении патриархатных начал в обществе, восстановлении подлинного уважения к женщинам. Мужчина, формально являясь ответственным лидером

семьи, в реальности может находиться под сильным влиянием любимой женщины: «Власть женщины основана на кротости, ловкости и любезности; ее ласки – те же приказания, ее слезы являются угрозами. Она должна править домом, как министр государством, вынуждая, чтобы ей приказывали то, что ей угодно... Самые счастливые семьи те, в коих женщина обладает наибольшим влиянием» [10, с. 615]. По убеждению Руссо, занимая активную позицию в общественной жизни, женщина находится «не на своем месте»: «Что может быть на свете трогательней и достойней уважения, чем мать семейства, окруженная своими детьми... обеспечивающая мужу счастливую жизнь и мудро управляющая всем домом... Дом без хозяйки – это тело без души... а женщина вне дома утрачивает весь свой блеск» [12, с. 136]. По этой причине философ критикует женщин, занимающихся научной деятельностью, поскольку в этом случае они пренебрегают обязанностями своего пола и пытаются обладать мужскими добродетелями.

Женщины в любом случае в социальном отношении находятся в более уязвимом положении, чем мужчины. Неудивительно, что просветители настаивают на юридической защите их прав и достоинства. К примеру, Монтескье предлагает сделать общим «правило, чтобы во всех странах, где закон предоставляет мужчине право репутации, то же право предоставлялось и женщине. Более того, в климатах, где женщины живут в домашнем рабстве, закон должен позволить женщинам репутацию, а мужчинам – только развод» [10, с. 384].

Монтескье, являясь сторонником концепции географического детерминизма, утверждал, что природные факторы (климат, территория, географический пояс и др.) являются важным источником формирования и развития человека. Исходя из этой концепции, он полагал, что внешняя красота женщины, в частности ее половая зрелость, целомудрие и стыдливость, нравственная зрелость, готовность к вступлению брак обусловлены именно климатом. Философ пишет: «Есть такие климаты, при которых правила нравственности почти совершенно бессильны перед физическими потребностями», в отличие от северных стран, где «их нравы хороши от природы... где любовь

так благоразумно властвует над сердцем... где прекрасный пол составляет украшение общества и где женщины, составляя счастье одного, в то же время являются источником радости и для всех» [11, с. 380, 382].

Образ женщины, ее добродетели детерминируется также политическими системами: «В монархиях женщины не отличаются скромностью... В деспотических государствах женщины... сами становятся предметом роскоши. Рабство их должно достигать крайних пределов... В республиках женщины свободны по закону, но поработены правилами нравственности; роскошь изгнана из этих государств, а вместе с нею – разврат и пороки». Поэтому «в греческих городах... добродетель, простота, целомудрие женщин достигли такой высоты, что не видано было в мире народа, столь благоустроенного в этом отношении» [10, с. 380].

По мнению просветителей, неизбежные природные изъяны, свойственные женщинам, необходимо корректировать с помощью системы воспитания. При этом целесообразно развивать те их способности, которые соответствуют их призванию. Руссо призывает обучать тому, чем они в жизни будут непременно заниматься: шитью, рукоделию, приготовлению пищи и прочим бытовым навыкам. Правда, допускается и получение ими универсальных навыков: письмо, чтение и арифметика. Нетрудно заметить, что здесь наблюдается определенная гендерная сегрегация, т. к. подобное воспитание ориентировано исключительно на плебейское сословие; аристократки сами выбирают, что и когда им познавать и в каком направлении развиваться.

Заключение

Образ женщины в трудах французских философов-просветителей является противоречивым. С одной стороны, их исторической заслугой выступает его (образа) социальное возвышение, обоснование естественного права слабой половины человечества на равенство, свободу, справедливость, расширение социальных возможностей. Во многом именно благодаря их усилиям сформировалось новое отношение к человеку, конкретно к женщине, т. к. от природы все наделены равными с другими людьми качествами, и прежде всего естественным светом разума.

Этому образу также характерна идеализация, в рамках которой женщина наделяется множеством личностных достоинств, и если в чем-то уступает мужчине, то только по велению природного фактора. Подчеркивается, что жизнь мужчины обладала бы вопиющей неполнотой без женского в ней присутствия. Однако, с другой стороны, чаще всего они оспаривали возможность для женщин выступить в роли автономных, ответственных и рационально мыслящих социальных субъектов.

Наряду с этим указывается на ограниченность позиции французских филосо-

фов по поводу социального предназначения женщин, обусловленное преимущественно тремя факторами: исторической традицией, предопределяющей закрепление за ними основополагающих функций в сфере частной жизни; недостатками системы общественного воспитания; геополитическими факторами. Эмансипационное движение женщин вызывает у просветителей скепсис, поскольку может привести к утрате множества достоинств, присущих женщинам по их природе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазова, С. Г. К истории феминизма / С. Г. Айвазова // Обществ. науки и современность. – 1992. – № 6. – С. 153–168.
2. Луканина, О. Н. Проблема «женской природы» у Жан-Жака Руссо и Мэри Уолстонкрафт / О. Н. Луканина // Вестн. МГУКИ. – 2010. – № 1 (33). – С. 67–70.
3. Гончарова, Т. Н. Жан-Жак Руссо и женщины: парадоксальные отношения / Т. Н. Гончарова // Тр. каф. истории нового и новейшего времени С.-Петерб. гос. ун-та. – 2013. – № 11. – С. 54–66.
4. Длугач, Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества) / Т. Б. Длугач. – М. : Ин-т философии РАН, 2006. – 256 с.
5. Манфред, А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции / А. З. Манфред. – М. : Мысль, 1989. – 432 с.
6. Верцман, И. Философско-лирический роман XVIII века / И. Верцман // Юлия, или Новая Элоиза / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Худож. лит., 1968. – С. 5–22.
7. Тимонов, С. Жан-Жак Руссо и женщины: «Не для того небо сотворило девочек слабыми, чтобы они повелевали». Как мать Мэри Шелли обвинила Руссо в сексизме и написала трактат «В защиту прав женщин» [Электронный ресурс] / С. Тимонов. – Режим доступа: <https://journal-bookmate.com/zhan-zhak-russo-i-zhenshchiny-ne-dlya-togo-nebo-sotvorilo-devochek-slabymi-chtoby-oni-povelevali/>. – Дата доступа: 21.09.2020.
8. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. – Т. 3. – С. 9–568.
9. Монтескье, Ш. Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства / Ш. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – С. 735–758.
10. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. – Т. 1. – С. 545–711.
11. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – С. 159–733.
12. Руссо, Ж.-Ж. Письмо к д'Аламберу о зрелищах / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. – Т. 1. – С. 65–177.
13. Арьес, Ф. К истории частной жизни / Ф. Арьес, Ж. Дюби // История частной жизни. От Ренессанса до эпохи Просвещения. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – С. 6–26.

REFERENCES

1. Ajvazova, S. G. K istorii fieminizma / S. Ajvazova // Obshchiestv. nauki i sovriemiennost'. – 1992. – № 6. – С. 153–168.

2. Lukanina, O. N. Problema «zhenskoj prirody» u Zhan-Zhaka Russo i Meri Uolstonkraft / O. N. Lukanina // *Viestn. MGUKI.* – 2010. – № 1 (33). – С. 67–70.
3. Goncharova, T. N. Zhan-Zhak Russo i zhenshchiny: paragoksal'nyje otnoshenija / T. N. Goncharova // *Tr. kaf. istorii novogo i noviejshogo vriemieni S.-Pietierb. gos. un-ta.* – 2013. – № 11. – С. 54–66.
4. Dlugach, T. B. Tri portrieta epokhi Prosvieshchienija. Montesk'je. Vol'ter. Russo (ot konciepii prosvieshchionnogo absoliutizma k teorijam grazhdanskogo obshchestva) / T. B. Dlugach. – M. : In-t filosofii RAN, 2006. – 256 s.
5. Manfred, A. Z. Tri portrieta epokhi Velikoj francuzskoj rievoliucii / A. Z. Manfred. – M. : Mysl', 1989. – 432 s.
6. Vierzman, I. Filosofsko-lirichieskij roman XVIII vieka // I. Vierzman // *Yuliya, ili Novaja Eloiza / Zhan-Zhak Russo.* – M. : Khudozh. lit., 1968. – S. 5–22.
7. Timonov, S. Zhan-Zhak Russo i zhenshchiny: «Nie dlia togo niebo sotvorilo dievochiek slabymi, chtoby oni povielievali!». Kak mat' Meri Shelli obvinila Russo v seksizmie i napisala traktat «V zashchitu prav zhenshchin» [Elektronnyj riesurs] / S. Timonov. – Riezhim dostupa: <https://journal.bookmate.com/zhan-zhak-russo-i-zhenshchiny-ne-dlya-togo-nebo-sotvorilo-devochek-slabymi-chtoby-oni-povelevai/>. – Data dostupa: 21.09.2020.
8. Russo, Zh.-Zh. Ispovied' / Zh.-Zh. Russo // *Izbr. soch. : v 3 t.* – M. : Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. – T. 3. – S. 9–568.
9. Montesk'jo, Sh. Opyt o vkusie v proizviedienijakh prirody i iskusstva / Sh. Montesk'jo // *Izbr. proizviedienija.* – M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1955. – S. 735–758.
10. Russo, Zh.-Zh. Emil', ili O vospitanii / Zh.-Zh. Russo // *Izbr. soch. : v 3 t.* – M. : Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. – T. 1. – S. 545–711.
11. Montesk'jo, Sh. O duhe zakonov / Sh. Montesk'jo // *Izbr. proizviedienija.* – M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1955. – S. 159–733.
12. Russo, Zh.-Zh. Pis'mo k d'Alamberu o zrielishchakh / Zh.-Zh. Russo // *Izbr. soch. : v 3 t.* – M. : Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. – T. 1. – S. 65–177.
13. Ar'ies, F. K istorii chastnoj zhizni / F. Ar'ies, Zh. Diubi // *Istorija chastnoj zhizni. Ot Rienissansa do epokhi Prosvieshchienija.* – M. : Novoje lit. obozrienije, 2018. – S. 6–26.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 22.01.2022